

20

Совершенно секретно

X

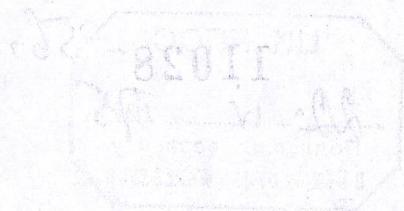
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Направляю Вам справку по вопросам, изложенным в протоколе Комиссии ЦК КПСС от 30 июля 1956 года.

И. Серов
И.СЕРОВ

"31" августа 1956 года

№ 2125-С

Совершенно секретно

С П Р А В К А

по материалам о злодейском убийстве
С.М.КИРОВА

1. Обстоятельства убийства С.М.КИРОВА

У С.М.КИРОВА личного комиссара, который сопровождал бы его повсюду, не было. Охрану С.М.КИРОВА осуществляли сотрудники оперода, каждый из которых отвечал за нее в пределах порученной ему зоны.

1 декабря 1934 года С.М.КИРОВ, по выходе из дома, как и обычно был принят под охрану 2-х сотрудников оперода, которые на автомашине сопроводили его до Смольного.

Подъехав к Смольному, С.М.КИРОВ вошел к главный подъезд, которым пользовались все посетители, и по лестнице стал подниматься на 3 этаж, где был расположен его служебный кабинет, сопровождаемый сотрудником БОРИСОВЫМ, встретившим его, как это было предусмотрено установленным порядком, в вестибюле Смольного.

Летом 1934 года, в целях улучшения охраны С.М.КИРОВА намечалось выставление у близи его кабинета дополнительного поста с установлением порядка прохода к нему лишь по особым пропускам. Одновременно намечалось, что С.М.КИРОВ будет пользоваться отдельным подъездом. Однако, С.М.КИРОВ запретил проведение этих мероприятий и продолжал проходить через главный подъезд. Таким образом, в связи с этим запретом, в приемную С.М.КИРОВА и вообще в любое помещение Смольного мог пройти без пропуска любой член партии, предъявив свой партийный билет.

В 16 ч. 30 м. С.М.КИРОВ подходил к своему кабинету и тут НИКОЛАЕВ совершил свой террористический акт.

В это время сопровождавший С.М.КИРОВА комиссар БОРИСОВ отстал от него примерно на 20 шагов и находился за поворотом коридора. Второй сотрудник оперода, несший дежурство по 3-му этажу Смольного, ДУРЕЙКО также находился в другом конце коридора, а третий - ИВАНОВ стоял на посту на лестничной площадке - проверял партбилеты или пропуска посетителей.

Первым к месту происшествия подбежал электромонтер Смольного ПЛАТЫЧ. До этого он обогнал С.М.КИРОВА и, пройдя 8 шагов, услышал 2 выстрела. Обернувшись, ПЛАТЫЧ увидел лежащего КИРОВА и НИКОЛАЕВА, сползающего по стене на пол. Аналогичную картину зафиксировал зам.управляющего домами Ленсовета ГЛОЗО, который пришел в обком партии по личным делам и, услышав выстрелы, выскочил в коридор. Затем к убитому С.М.КИРОВУ подошли ЧУДОВ и другие работники обкома и горкома партии, в том числе инструктор горкома ЛИОННИКОК. Как впоследствии показал ЛИОННИКОК, услышав первый выстрел, он открыл дверь кабинета и увидел в коридоре лежащего человека и второго кричащего и размахивающего пистолетом. ЛИОННИКОК испугался, закрыл дверь и вышел в коридор, спустя полторы-две минуты после второго выстрела, когда услышал из коридора шум шагов подбегающих людей.

II. |Личность НИКОЛАЕВА, его связь с зиновьевской оппозицией и представителями иностранных государств|

НИКОЛАЕВ Леонид Васильевич, 1904 года рождения, уроженец г.Ленинграда, из рабочих, образование 6 классов, состоял в ВКП(б) с 1924 года.

До ареста НИКОЛАЕВ дважды привлекался к партийной ответственности: в 1929 г. ему было поставлено на вид за неосторожную езду на велосипеде, а 31 марта 1934 года он был исключен из партии первичной парторганизацией за отказ перейти работать по мобилизации на транспорт. 29 апреля 1934 г. Смольнинский РК ВКП(б) отменил решение об исключении НИКОЛАЕВА из партии и ограничился в отношении его об'явлением строгого выговора с занесением в личное дело.

Тщательной проверкой по партийным архивам, архивам органов НКВД и опросом свидетелей, лично знавших НИКОЛАЕВА на протяжении ряда лет, установлено, что НИКОЛАЕВ никогда ни к какой оппозиции не примыкал и в антипартийной борьбе не участвовал.

Сам НИКОЛАЕВ в своем дневнике (изъят при аресте) писал:

"С самого начала оппозиции некоторой части партии, шедшей против линии большинства, мы с Мильдой (жена) твердо стояли за генеральную линию партии, за претворение в жизнь и лозунгов и задач, несмотря ни на какие трудности".
(т.6, л.д.151).

Будучи замкнутым по натуре человеком НИКОЛАЕВ, еще в то время когда был комсомольцем и особенно в последние годы, держался обособленно, в неслужебное время почти ни с кем не общался и, как правило, находился дома.

Изъятые у НИКОЛАЕВА дневники, письма и записки, свидетельские показания о его поведении как до убийства С.М.КИРОВА, так и после него, акты медицинских освидетельствований, впечатление лиц, соприкасавшихся с ним при расследовании его дела и рассмотрении вопроса о его партийной принадлежности, дают основания для утверждения, что НИКОЛАЕВ был человеком неуравновешенным, психически болезненным.

В процессе следствия НИКОЛАЕВ показал, что он установил преступную связь с латвийским консулом в Ленинграде, который обещал помочь в установлении связи с ТРОЦКИМ и на расходы, связанные с проводимой контрреволюционной работой, выдал ему 5.000 рублей. Как далее утверждал НИКОЛАЕВ, из этих денег он оставил себе 500 руб., а остальные передал КОТОЛЫНОВУ. Кроме голословного заявления НИКОЛАЕВА эти обстоятельства не подтверждались никакими другими доказательствами и категорически отрицались КОТОЛЫНОВЫМ.

В настоящее время обнаружены архивы МИД бывшей буржуазной Латвии, которыми бесспорно устанавливается, что НИКОЛАЕВ никогда в латвийском консульстве не был и что эта версия была

4.

полностью сфальсифицирована в процессе следствия.

III. Эволюция оценки данных об убийстве С.М.КИРОВА с 1934 по 1938 г.

Вначале следствия по делу об убийстве С.М.КИРОВА обстоятельства рисовались таким образом - НИКОЛАЕВ, антисоветски настроенный человек, действовал как террорист - одиночка, не имевший никаких соучастников.

Из имеющихся документов видно, что затем не имея к этому оснований, следствие пошло по пути сбора "доказательств", якобы подтверждающих наличие преступной связи между НИКОЛАЕВЫМ и группой бывших участников зиновьевской оппозиции и, таким образом, возникло дело по обвинению КОТОЛЬНОВА, РУМЯНЦЕВА и других. Причем следует отметить, что даже накануне рассмотрения дела в суде следствие не располагало доказательствами не только связи НИКОЛАЕВА с КОТОЛЬНОВЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и другими арестованными, но даже и какой-либо его причастности к кому-либо из бывших оппозиционеров.

До передачи этого дела в суд, без наличия доказательств причастности к убийству С.М.КИРОВА были арестованы ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и вместе с ними еще ряд бывших участников оппозиции. Это дело затем прошло под благом моральной ответственности бывших лидеров оппозиции за убийство С.М.КИРОВА, поскольку убийца его бездоказательно был причислен к зиновьевцам. В таком плане, плане моральной ответственности признали себя виновными и обвиняемые.

Однако позднее, когда НИКОЛАЕВА, КОТОЛЬНОВА, РУМЯНЦЕВА и других уже не было в живых и, следовательно, отсутствовали лица, могущие подтвердить или опровергнуть новые версии об убийстве С.М.КИРОВА, была принята иная трактовка роли ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других в этом деле.

Только на основании показаний обвиняемых, хотя они явно противоречили их прежним обяснениям, материалам прошедших уже процессов и данным органов НКВД было признано установлен-

5.

ним, что троцкистско-зиновьевский центр непосредственно руководил организацией убийства С.М.КИРОВА, а его представитель БАКАЕВ лично встречался и инструктировал убийцу НИКОЛАЕВА.

Еще позднее, когда были уже расстреляны ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ и другие, возникла опять-таки новая версия, что убийство С.М.КИРОВА было произведено по решению право-троцкистского блока. Причем эта версия была признана доказанной только на основании показаний ПГОДЫ, от которых он по существу отказался в своем последнем слове в суде. Была признана доказанной несмотря на то, что она опровергалась БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ, а также и всеми материалами предыдущих процессов.

Таким образом получилось, что при отсутствии документальных доказательств, чем меньше оставалось в живых лиц, показания которых должны были бы учитываться при вынесении решения, в том числе и следователей, принимавших участие в расследовании предыдущих процессов, тем больший круг людей оказался обвиненным в причастности к убийству С.М.КИРОВА.

1у. Причастность к убийству С.М.КИРОВА КОТОЛЫНОВА, ШАТСКОГО, РУМЯНЦЕВА и других

В процессе следствия по делу о злодейском убийстве С.М.КИРОВА причастность к нему был участниками зиновьевской оппозиции КОТОЛЫНОВА, ШАТСКОГО, РУМЯНЦЕВА и др. доказана не была. Система доказательств, положенная в основу обвинения, строилась на противоречивых, неправдоподобных показаниях НИКОЛАЕВА и логических умозаключениях следствия и суда.

Будучи допрошенным в день совершения убийства, НИКОЛАЕВ показал:

"Категорически утверждаю, что никаких участников в совершенном мной покушении на т.КИРОВА у меня не было. Все это я подготовлял один и в мои намерения никогда я никого не посвящал..."

Однако, после того как следствию было дано указание связать убийство С.М.КИРОВА с бывшей зиновьевской оппозицией, после того как были арестованы ШАТСКИЙ и КОТОЛЬНОВ, появились и показания НИКОЛАЕВА с "изобличением" ШАТСКОГО и КОТОЛЬНОВА. Причем, эти показания все время видоизменялись, в каждом последующем протоколе вина их возрастала. Если вначале НИКОЛАЕВ вообще не называл фамилии ШАТСКОГО и КОТОЛЬНОВА, то 4 декабря он уже заявил, что на его решение убить С.М.КИРОВА повлияли троцкисты ШАТСКИЙ и КОТОЛЬНОВ, хотя они мол и не имели отношения к самому преступлению и не были известны ему как участники какой-либо группировки.

В последующих протоколах допроса НИКОЛАЕВА уже записано, что ШАТСКИЙ и КОТОЛЬНОВ, будучи осведомлены о плане убийства С.М.КИРОВА, одобрили его и сами информировали НИКОЛАЕВА о том, что и они также готовят террористические акты. 13 декабря 1934 г. появляются показания НИКОЛАЕВА о том, что он является участником контрреволюционной организации, которая в лице КОТОЛЬНОВА и ШАТСКОГО санкционировала убийство С.М.КИРОВА.

Говоря о своем вербовщике, НИКОЛАЕВ назвал сразу 3 человека - ШАТСКОГО, КОТОЛЬНОВА и СОКОЛОВА. Из материалов дела видно, что НИКОЛАЕВ никогда не был близок к ШАТСКОМУ, КОТОЛЬНОВУ или СОКОЛОВУ, что в 1934 г. он встречался с каждым из них случайно по 2-3 раза, а до этого не виделся около 10 лет. При этих бесспорных обстоятельствах возможность вербовки НИКОЛАЕВА этими лицами, само-собой разумеется, исключается, тем более, что все они категорически отрицали эти показания НИКОЛАЕВА.

Как установлено проверкой в 1956 году, в процессе предварительного следствия на НИКОЛАЕВА производилось определенное давление, ему обещали сохранить жизнь, при условии, если он даст требуемые показания. Это также говорит за то, что показаниям НИКОЛАЕВА верить нельзя.

Бывший член Военной Коллегии Верховного суда СССР ГОРЧЕВ, принимавший участие в рассмотрении дела по обвинению НИКОЛА-

ЕВА, показал в 1956 году, что НИКОЛАЕВ в начале судебного заседания заявил, что к убийству С.М.КИРОВА никто, кроме него, причастия не имеет и изменил эти показания и стал вновь подтверждать показания о существовании антисоветской организации лишь после того, как председательствующий в суде УЛЬРИХ нажал на него.

Член КПСС ГУСЕВ, охранявший НИКОЛАЕВА во время судебного заседания будучи опрошенным в 1956 году рассказал:

"28 декабря 1934 г. я в числе других сослуживцев полка был отправлен на охрану обвиняемых группы НИКОЛАЕВА-КОТОЛЫНОВА и нес охрану НИКОЛАЕВА во время суда.

Для него была отведена отдельная комната рядом с залом заседаний.

Кроме меня в комнате находились еще двое незнакомых мне служащих из НКВД; один из них лет 40, полный, кажется, по национальности украинец, другой - лет 28-30. Оба они все время вели разговоры с обвиняемым НИКОЛАЕВЫМ, мне же разговаривать было запрещено. Я и мой товарищ по службе (фамилии не помню) менялись через 2 часа.

НИКОЛАЕВА время от времени вызывали в зал заседания суда и два раза он оттуда возвращался в слезах, один раз в полуистеричном состоянии, повторяя как бы про себя: "Что я сделал! Что я сделал! Теперь они меня подлецом назовут! Все пропало!" и т.п.

Он вое время был почему-то уверен, что ему дадут 3-4 года высылки в Сибирь...

...Присутствующие 2-е служащих все время поддерживали его в этом мнении, успокаивали его, внушали ему надежду на мягкое наказание, особенно старший по возрасту.

Через 10-15 минут почти регулярно в эту комнату заходил еще один неизвестный мне военнослужащий без знаков отличий; онправлялся о состоянии НИКОЛАЕВА, инст-

8.

руктировал этих двоих (чаще шепотом или за дверью) и тоже поддерживал надежды НИКОЛАЕВА.

В конце суда, когда был об'явлен приговор, НИКОЛАЕВ был введен со связанными назад руками и повторял как бы про себя: "Неужели так! Не может быть! Не может быть!".

Ясно, что показания о поведении НИКОЛАЕВА в суде также свидетельствуют о недостоверности его показаний.

Быв. участники зиновьевской оппозиции, осужденные по одному делу вместе с НИКОЛАЕВЫМ, как правило, признали свою ответственность за убийство С.М. КИРОВА путем чисто логического заключения, основанного на ложной посылке о том, что НИКОЛАЕВ - зиновьевец, за действие которого должны отвечать все бывшие участники зиновьевской оппозиции. Однако при этом они не подтверждали конкретных моментов из показаний НИКОЛАЕВА, а ведь только они и могли служить материальной основой правомерного осуждения.

Подсудимый МЯСНИКОВ в суде показал:

"Я не сторонник индивидуального террора. Я не знал о том, что подготавливается террористический акт над КИРОВЫМ, над СТАЛИНЫМ. Я не знал о том, что создалась какая-то специальная террористическая группа. Я этого не знал.

(т.13, л.д. 267)

Подсудимый ЗВЕЗДОВ также в суде заявил, что о подготовке к убийству С.М. КИРОВА ему ничего известно не было, что такая мысль ему даже в голову никогда не приходила.

(т.13, л.д.126)

Аналогичные показания дали и осужденные по этому процессу ШАТСЕЙ, ТОЛМАЗОВ, МАНДЕЛЬШТАМ и др.

Обвиняемый РУМЯНЦЕВ, в частности, заявил:

"Я не принадлежал к террористической группе и о существовании ее не знал, поверьте, если бы я знал, что рука КОТОЛЫНОВА организует убийство, я бы сам ему пустил пулю и сам его сдал в ОГПУ..."

(т.13, л.д.284).

КОТОЛЫНОВ после ознакомления с обвинительным заключением в своем заявлении от 27 декабря 1934 г. писал:

"Во время следствия и сейчас я утверждаю, что ни политических настроений, ни политических взглядов НИКОЛАЕВА я совершенно не знал, а также не знал, принадлежал ли он к зиновьевской оппозиции или нет, тем более я не знал, принадлежал ли он за последнее время к группе бывшей зиновьевской оппозиции..."

... Что касается показаний НИКОЛАЕВА обо мне, есть просто ложь, клевета или бред сумасшедшего".

(т.12, л.д.291).

Во время судебного заседания он говорил:

"... В этом убийстве я не участвовал и в этом заключается моя трагедия, в том, что так обстоятельства сложились, что НИКОЛАЕВ, АНТОНОВ показывают о том, что я знал, но я не знал, не участвовал, не организовывал и не встречался с НИКОЛАЕВЫМ..."

... Я стою буквально на коленях перед судом и клянусь, что ни от АНТОНОВА, ни от ЗВЕЗДОВА, ни от НИКОЛАЕВА я ничего не слышал о террористическом акте.

(т.13, л.д.255,256,290)

Как показал в 1956 г. бывший сотрудник НКВД КАШАФА, присутствовавший при расстреле, КОТОЛЫНОВ, стоя у трупов уже расстрелянных его однодельцев, заявил ВЫШИНСКОМУ и АГРАНОВУ:

"Весь этот процесс - чепуха. Людей расстреляли. Сейчас расстреляют и меня. Но все мы, за исключением НИКОЛАЕВА, ни в чем не виновны. Это сущая правда".

У. Причастность к убийству С.М.КИРОВА
ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других по процессам 1935-36 г.г.

Судебным приговором по делу "об"единенного троцкистско-зиновьевского центра" всем его участникам вменено в вину убийство С.М.КИРОВА.

Как на следствии, так и в суде ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ и БАКАЕВ показали, что С.М.КИРОВ был убит в соответствии с решением троцкистско-зиновьевского центра. При формальном подходе к этим показаниям, что суд и сделал, можно признать вину обвиняемых доказанной, а приговор в этой части обоснованным. Однако сопоставление всех этих показаний между собой с учетом других материалов, имевшихся в распоряжении следствия и суда, и данных, полученных в результате проверки, произведенной в 1956 г., дает основание утверждать, что обвинение ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других лиц, прошедших по процессу "об"единенного троцкистско-зиновьевского центра" в совершении злодейского убийства С.М.КИРОВА, было сфальсифицировано, ибо никто из них причастен к нему не был.

Голословные показания ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА и БАКАЕВА, не подтвержденные никакими другими доказательствами, диаметрально противоположны их же показаниям, которые они давали в суде в январе 1935 г. Раньше они все утверждали, что убийство С.М.КИРОВА было для них столь же неожиданным, как и для всех советских людей. Эти показания опровергаются также и всеми материалами следствия по делу НИКОЛАЕВА, КОТОЛЫНОВА, РУМЯНЦЕВА и др., поскольку ни один из обвиняемых по этому делу никаких показаний о причастности БАКАЕВА, ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и др. к убийству С.М.КИРОВА не дал.

Следует отметить также, что показания ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и др. в 1936 г. не выдерживают критики при прямом сопоставлении друг с другом, а в ряде случаев содержат явно неправдоподоб-

ные утверждения. Так, БАКАЕВ говорил, что решение убить КИРОВА было принято в 1934 г., а ЕВДОКИМОВ - в 1932 г. Одни показывают, что руководство организацией террористического акта против С.М.КИРОВА было возложено на БАКАЕВА, а он говорит, что он имел лишь разовое поручение - проверить ход подготовки. БАКАЕВ с ссылкой на ленинградских соучастников показывает, что НИКОЛАЕВА, как исполнителя теракта, рекомендовал ЕВДОКИМОВ, который много лет его знал. Сам же ЕВДОКИМОВ об этом не показывал, хотя и заявил в суде, что по пред"явленной ему фотокарточке НИКОЛАЕВА он опознал человека, известного ему по 1925-26 г.г. В это время ЕВДОКИМОВ являлся секретарем Ленинградского губкома партии, а НИКОЛАЕВ - управделами Лужского уездного комитета комсомола и потому вряд ли был известен ЕВДОКИМОВУ.

По показаниям БАКАЕВА, он ездил в Ленинград проверять, как готовится группа НИКОЛАЕВА-КОТОЛЫНОВА к убийству С.М.КИРОВА по заданию КАМЕНЕВА. Но в то же время из дела видно, что КАМЕНЕВ и сам неоднократно бывал в Ленинграде, но почему-то не интересовался этим вопросом, а связывался только с ЯКОВЛЕВЫМ, который якобы параллельно и самостоятельно от группы НИКОЛАЕВА также вел подготовку к убийству С.М.КИРОВА.

Из показаний БАКАЕВА и других видно, что в подготовке убийства С.М.КИРОВА принимали активное участие КАРЕВ и ГЕРТИК. Оба они когда шло следствие по данному делу также находились под стражей, однако в суде их не допрашивали и показаний не оглашали.

В процессе проверки в 1956 г. были опрошены быв.сотрудники НКВД, которые по роду своей работы соприкасались с арестованными участниками "об"единенного троцкистско-зиновьевского центра".

Так, УЕМОВ К.И. показал, что когда он оставался наедине с БАКАЕВЫМ, тот не раз говорил ему:

12.

"... что он - старый член партии, участник революционного движения до Октябрьской революции и что он ни в чем не виноват, что никакого преступления против партии или советского правительства он не совершал".

РАДИН Л.Д., содержащийся под видом арестованного в одной камере с КАМЕНЕВЫМ показал:

"... По существу своего дела КАМЕНЕВ конкретно ничего нам не рассказывал, однако он неоднократно высказывался таким образом, что давал понять, что он ни в чем не виноват и что он никакой подрывной деятельности, направленной против партии и советского правительства, никогда не вел. Это утверждение о его невиновности сквозило почти в каждом разговоре".

Эти показания бывших сотрудников НКВД свидетельствуют о том, что обвиняемые по делу "об единенного троцкистско-зиновьевского центра" давали на следствии и в суде показания, не соответствующие действительности. В свете этих об"яснений понятно и то обстоятельство, почему показания арестованных, когда они касались не общих рассуждений, а конкретных фактов, делались неубедительными и противоречивыми.

У1. Причастность к убийству С.М.КИРОВА правых

Военная Коллегия Верховного Суда СССР 13 марта 1938 г. признала БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДУ и др. обвиняемых, проходящих по делу так называемого "право-троцкистского блока", виновными в осуществлении злодейского убийства С.М.КИРОВА. Это обвинение основывалось только на голословном показании одного человека - ЯГОДЫ, которое противоречило всем остальным материалам дела и потому не могло быть даже в то время признано за

достоверное. Включение данного эпизода в приговор произведено с грубым нарушением принципов советского правосудия, суд принял за доказанное то, что следовало доказывать и затем использовал это для доказывания конкретной вины обвиняемых.

На следствии ЯГОДА показал, что со слов ЕНУКИДЗЕ ему известно о том, что правотроцкистский центр, по предложению КАМЕНЕВА, принял решение о совершении террористического акта против С.М.КИРОВА и что он, в связи с этим, дал указание быв. зам. нач. УНКВД по Ленинградской области ЗАПОРОЖЦУ не чинить препятствий этому.

Привлеченный к уголовной ответственности ЕНУКИДЗЕ на следствии заявил, что о каких-либо планах, направленных против С.М.КИРОВА, он вообще ничего не знал.

Несмотря на то, что следствие по делу ЕНУКИДЗЕ еще не было закончено, когда появились показания ЯГОДЫ очной ставки формально им не производилось.

О том, что ЕНУКИДЗЕ не был причастен к убийству С.М.КИРОВА и потому не мог ничего говорить по этому поводу ЯГОДЕ свидетельствуют и показания его близкой знакомой ЛИЦИНСКОЙ. На допросе от 22 февраля 1937 г. она показала:

"На мой вопрос действительно ли КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ имели отношение к убийству С.М.КИРОВА, ЕНУКИДЗЕ А.С., зло махнул рукой и ответил: "Не верю я этому, давно я знаю этих людей. Здесь просто начинается расправа над противниками нынешнего руководства партии, для чего используется убийство КИРОВА".

(след.дело 957827, л.д.202)

ПЯТАКОВ, который по показаниям ЯГОДЫ, отстаивал на заседании центра необходимость совершения террористического акта над С.М.КИРОВЫМ, будучи арестованным, на следствии показал, что он ничего о подготовке этого теракта не знал.

ТОМСКИЙ, принимавший, как утверждал ЯГОДА, участие в решении вопроса об убийстве С.М.КИРОВА, покончил жизнь самоубийством. В своем предсмертном письме, адресованном в ЦК ВКП/б/, он категорически отрицал свою причастность к какой-либо антисоветской деятельности.

РЫКОВ и БУХАРИН, которые якобы также решали вопрос о совершении этого теракта, как на следствии, так и в суде категорически отрицали не только свою причастность к убийству С.М.КИРОВА, но и даже какую-либо осведомленность об этом.

КАМЕНЕВ об обстоятельствах убийства С.М.КИРОВА допрашивался многократно и дал по этому поводу крайне противоречивые показания. Вначале он вообще отрицал свою причастность к этому делу. Затем он признал моральную ответственность, поскольку ему сказали, что убийца является выходцем из оппозиции, одним из лидеров которой являлся он. На последнем процессе КАМЕНЕВ признал себя виновным в совершении теракта против С.М.КИРОВА и заявил, что он был произведен по решению троцкистско-чиновьевского центра, но при этом никаких ссылок на правых и вообще о существовании правотроцкистского блока он не сделал.

В своем последнем слове на суде ЯГОДА заявил:

"Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства КИРОВА. Я совершил тягчайшее служебное преступление — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник. Соучастие, гражданин Прокурор, вы так же хорошо знаете, как и я, — что это такое. Есеми материалами судебного следствия, предварительного следствия не доказано, что я — соучастник этого злодейского убийства".

Этим заявлением ЯГОДА по существу отказался от ранее данных им показаний относительно причастности правых к убийству С.М.КИРОВА и у суда, в связи с этим, не оставалось вообще

15.

де никаких абсолютно данных, которые можно было бы представить как доказательство того, что правые повинны в смерти С.М.КИРОВА.

Проверкой, произведенной в 1956 г., установлено, что в процессе следствия к ЯГОДЕ применялись меры физического воздействия, а перед судом ЕЖОВ обещал сохранить ему жизнь, если он в суде скажет то, что требуется от него. Эти обстоятельства об"ясняют, почему ЯГОДА оговорил многих на следствии и в суде.

УП. | Причастность к убийству С.М.КИРОВА ПОВ
(Польской организации войсковой)

Из имеющихся в КГБ при Совете Министров СССР материалов видно, что бывший начальник УНКВД по Ленинградской области МЕДВЕДЬ был близок к С.М.КИРОВУ и пользовался его поддержкой. Из материалов также усматривается наличие неприязненных отношений между МЕДВЕДЕМ и ЯГОДОЙ. Был случай, когда ЯГОДА, воспользовавшись отсутствием С.М.КИРОВА, добился освобождения МЕДВЕДЯ с должности начальника Управления, но новый начальник пробыл в Ленинграде буквально несколько дней. Вернулся С.М.КИРОВ и МЕДВЕДЬ был восстановлен в должности.

Очевидно эти обстоятельства, известные многим, и привели к тому, что в процессе следствия по делам зиновьевцев, троцкистов и правых никто и не пытался связать МЕДВЕДЯ с ЯГОДОЙ, а дело рисовалось таким образом, что ЯГОДА все

16.

свои преступные указания давал доверенному лицу — зам. начальника УНКВД ЗАПОРОЖЕЦ, который их и проводил, минуя МЕДВЕДЯ.

В сентябре 1937 г. МЕДВЕДЬ был доставлен из Нагадана в Москву и водворен в Лефортовскую тюрьму. Ему вменялось в вину, что он белорус по национальности, в 1919 году был завербован УНШЛИХТОМ в Польскую организацию войскову, анти-советские задания которой, якобы выполнял до дня своего ареста.

В начале следствия МЕДВЕДЬ виновным себя не признавал, но затем подтвердил все то, в чем его обвиняли и одновременно показал, что он еще в ноябре 1934 г. узнал от УНШЛИХТА о готовящемся покушении на С.М. КИРОВА, но не принял мер к предотвращению его по указанию того же УНШЛИХТА.

27 ноября 1937 г. МЕДВЕДЬ был расстрелян в особом порядке без рассмотрения его дела в суде.

Таким образом, ко всем прежним процессам была добавлена еще одна организация — "ПОВ", якобы причастная к убийству С.М. КИРОВА.

В настоящее время УНШЛИХТ и другие лица, показания которых послужили основанием к аресту МЕДВЕДЯ и которых он затем "признал" в качестве соучастников, полностью реабилитированы, а следовательно полностью же отпала и версия о причастности к убийству С.М. КИРОВА "ПОВ" и персонально МЕДВЕДЯ.

17.

УШ. Обстоятельства гибели БОРИСОВА М.В.

Спустя 15-20 минут после убийства С.И.КИРОВА в Смольный прибыл быв. нач. УНКВД Ленинградской области МЕДВЕДЬ, который лично поговорил с БОРИСОВЫМ, а затем приказал допросить его, обезоружить и держать под наблюдением сотрудников в помещении оперода.

Утром 2 декабря МЕДВЕДЬ получил указание от ЯГОДЫ срочно доставить БОРИСОВА в Смольный и по телефону передал это распоряжение своему секретарю ЗАВИЛОВИЧУ, а последний - дежурному по опероду начальнику отделения ХВИЮЗОВУ. ХВИЮЗОВ доставку БОРИСОВА поручил оперуполномоченному МАЛИЙ и предложил ему в помощь взять кого-либо из сотрудников.

В связи с тем, что в оперативном отделе свободных легковых автомашин в то время не оказалось МАЛИЙ, с согласия ХВИЮЗОВА, взял недавно под "ехавшую" к отделу грузовую автомашину. Характерно отметить, что ни МАЛИЙ, ни ВИНОГРАДОВ, которого он взял себе в помощь, судя по их первичным допросам, не знали фамилии шоferа грузовой автомашины. Это уже одно делает сомнительным утверждение о предварительной подготовке к убийству БОРИСОВА во время сопровождения его в Смольный.

Разбудив БОРИСОВА, который спал в кабинете нач. отделения КОТОМИНА, МАЛИЙ и ВИНОГРАДОВ вместе с ним выехали в Смольный. В машине они разместились так: МАЛИЙ сел вместе с шофером, а ВИНОГРАДОВ и БОРИСОВ - в кузов машины, на скамейку, спиной к кабине.

В пути следования автомашина потерпела аварию, во время которой БОРИСОВ был убит.

Допрошенный в связи с этим происшествием ВИНОГРАДОВ показал:

"От"ехав от управления НКВД, шофер развил скорость в 50-60 км.в час. Машина, спустя некоторое время, начала делать зигзаги, затем ее сильно кренило влево и тут же резким толчком бросило вправо и ударило с большой силой в стену дома тем ее бортом, на котором как раз сидел БОРИСОВ. Машина врезалась на большом ходу и после сильного удара в стену отошла влево от последней.

БОРИСОВА ударило сильно головой в стену дома, меня накренило вправо, но я успел схватить рукой скамейку и воспрепятствовать удару в стену".

(том 24, л.д.255)

Допрошенный, также 2 декабря 1934 года, в качестве свидетеля постовой милиционер КРУТИКОВ И.В., являвшийся очевидцем аварии, сообщил:

"Сегодня, 2 декабря, приблизительно в 10 часов утра по ул.Воинова шла грузовая машина полутоннажа. Рядом с шофером сидел военный, а на правом и левом борту сидели два гражданина, одетые в штатское. Машина шла с нормальной скоростью. Регулировщик пропустил ее через пр.Чернышевского и после того, как она этот проспект переехала, пройдя, примерно 10 метров, машина свернула налево (к трамвайному пути). Пройдя так примерно 10 метров, она повернула направо (по направлению к тротуару), выехала на тротуар, идя по косой линии, и когда машина должна была удариться в стенку дома, она оказалась параллельной стене дома и прошла вдоль стены около 5 метров, оставив царапины на стене. В этот момент, гражданин, сидевший на правом борту, ударился правым виском о стену дома и сразу же потерял сознание. Сидевший на левом борту остался невредим. Когда машина остановилась, из нее невредимыми вышли шофер и военный".

(том 24, л.д.257)

Техническая экспертная комиссия, в составе: технического директора ленинградского шинного завода комбината "Красный треугольник" КОМАРНИЦКОГО, инженера-инспектора управления Уполномоченного НКПТ СССР ГИНЗБУРГА, старшего инженера-химика ИВАНОВА, зав.гаражом управления Уполномоченного НКПТ СССР АЙГРО, старшего инспектора ОРУД МАЛЬКЕВИЧА и аварийного инспектора ОРУД"а ОСКОТСКОГО в своем акте отметила неисправность у машины рулевого управления:

"После смены поврежденной резины с колесом, проведена была проба тормозов и рулевого управления, причем во время опробования производился только левый поворот (по условиям движения); при этом машина была остановлена со скорости 46 км/ч (по показаниям спидометра данной машины) на расстоянии около 20 метров. В рулевом управлении был замечен тяжелый разворот влево. После остановки машины обнаружено смещение передней оси влево, видимое на глаз. При дальнейшем следовании на потерпевшей аварию машине в гараж при правом повороте с улицы Воинова на ул. Нариманова и дальше с пр. Рошаля на проезд площ. Декабристов, машина дважды заехала на тротуар, при нормальном повороте руля".

Комиссия отметила также неисправность и передней рессоры этой автомашины:

"В рессоре обнаружено 7 листов (коренной и 6 последующих наборных), с толщиной каждого листа нормальной для 14-ти листовой рессоры. Листы по отношению к оси центрального болта смещены вправо ... центровой болт отсутствовал, от него сохранилась только головка. При осмотре последней оказалось, что на закатанной поверхности ее виден след излома".

В заключении экспертной комиссии сказано:

"... Наличие завинченных на полную длину резьбы гаек на шпильках стремянки, при отсутствующих рессорных листах, могло служить непосредственной причиной недостаточного закрепления рессоры, в результате чего весь передний мост имел возможность подвергаться боковым смещениям; одно из таких боковых смещений и могло послужить непосредственной причиной поворота машины вправо, каковой поворот в данном случае имел место".

(см. том 24, л.д. 242-244)

В акте № 10652, составленном сотрудниками ОРУД, обследовавшими место аварии указано:

"Неисправность передней рессоры (отсутствие центрального болта и недостача рессорных листов при ослабленной стремянке) послужила причиной смещения передней оси влево по отношению к шасси автомобиля.

Смещение передней оси нарушает систему рулевого управления. Поворот в одну из сторон облегчается, т.е. он при нормальном повороте штурвала производится под более острым углом произвольно, одновременно вырывая руль у водителя.

В данном случае имел место облегченный поворот вправо и при повороте шофером КУЗИНЫМ штурвала вправо автомобиль бросило на панель".

(там же, л.д. 245-248)

Факт неисправности автомашины перед ее выездом подтверждался и показаниями шофера КУЗИНА и его сменщика ЧОПОВСКОГО.

Так, КУЗИН об этом показал:

"Сегодня сменщик сообщил, что у передней рессоры лопнул один лист и что он подтягивал стремянки. По-моему,

21.

по пути упал еще один лист рессоры, однако, я не подтягивал рессоры и выпавшего листа не видел, хотя остановился сразу, услышав звук".

(л.д. 261)

ЧАПОВСКИЙ А.Л. 14 декабря 1934 года на допросе показал, что сменивший его шофер КУЗИН утром 2 декабря не осмотрел машину, "потому, что я ему сказал, что машина в порядке, кроме рессоры. В рессоре был сломан I верхний наборный лист. Я сообщил об этом КУЗИНУ, одновременно я ему сказал, что стремянка подтянута и что на машине можно вполне ездить, если соблюдать осторожность, т.е. не ездить с повышенной скоростью.

КУЗИН со мной согласился и сказал, что он переменит рессору днем, когда бывает поменьше работы".

(том 24, л.д. 291)

Расследованию причин аварии автомашины, на которой следовал БОРИСОВ, и выяснению всех обстоятельств его смерти в 1934 году придавалось особое значение.

В расследовании принимали непосредственное участие не только некоторые ответственные работники НКВД СССР, но и члены правительственной комиссии ЕЖОВ и КОСАРЕВ.

По делу был допрошен ряд свидетелей, в частности: нач. Ленинградского УНКВД МЕДВЕДЬ, его секретарь ЗАВИЛОВИЧ, сотрудники оперода ХВИЮЗОВ, МАЛИЙ, ВИНОГРАДОВ, КОЗЛОВ, МАКСИМОВ, ШИЛКИН, шоферы КУЗИН, ЧАПОВСКИЙ, ЯКУНИН, постовые милиционеры КРУТИКОВ, ШИТОВ, инструктор ленинградского горкома партии ВОЙТОС и др. Причем, МАЛИЙ, ВИНОГРАДОВ и некоторые другие содержались под стражей.

Для осмотра пострадавшего БОРИСОВА и дачи заключения о характере телесных повреждений и причинах его смерти была создана авторитетная судебно-медицинская экспертная комиссия в составе профессоров НАДЕЖДИНА, ДОБРОТВОРСКОГО, РОЗАНОВА,

22.

нач.санчасти УНКВД МАМУШИНА, нач.поликлиники № 1 ОЛЬШАНСКОГО, ответственного инструктора по судебной медицине ИЖЕВСКОГО. Эта комиссия не ограничилась осмотром трупа БОРИСОВА, но и вместе с ЕЖОВЫМ и КОСАРЕВЫМ выезжала на место происшествия, после чего дала заключение, что смерть БОРИСОВА наступила вследствие несчастного случая - автомобильной аварии.

В результате анализа всех материалов расследования об обстоятельствах гибели БОРИСОВА был сделан вывод о том, что БОРИСОВ погиб случайно, в результате автомобильной катастрофы.

Однако в 1937 году смерти БОРИСОВА была дана иная оценка, за организацию террористического акта против него были арестованы и осуждены к расстрелу: бывш.нач.оперода УНКВД Ленинградской области ГУБИН, начальник отделения оперода ХВИЮЗОВ, сотрудники оперода МАЛИЙ, ВИНОГРАДОВ и МАКСИМОВ.

Как видно из материалов дела, аресту ГУБИНА, ХВИЮЗОВА, МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА и МАКСИМОВА предшествовал арест ЯГОДЫ.

ЯГОДА был арестован 28 марта 1937 года, а на допросе от 19 мая 1937 года он показал, что в соответствии с указанием ЕНУКИДЗЕ приказал ЗАПОРОЖЦУ не чинить препятствия подготовляемому теракту против С.М.КИРОВА.

30 апреля 1937 года был арестован ГУБИН.

Будучи доставленным в Москву, ГУБИН в своем заявлении на имя ЕЖОВА от 4 июня 1937 года писал:

"После убийства КИРОВА ПАУКЕРОМ при моем участии был убит БОРИСОВ с целью скрытия следов убийства, т.к. БОРИСОВ являлся единственным свидетелем убийства КИРОВА."

(см.дело ГУБИНА за 1937 г. ,л.д. 6)

Позднее на допросе ГУБИН показал:

"Днем 1 декабря 1934 года после телефонного сообщения об убийстве КИРОВА я немедленно поехал в Смольный, где я находился до полуночи ...

Примерно в час ночи, я поехал в оперод УНКВД. Здесь мне кто-то сообщил, что в Ленинград выехала из Москвы правительенная комиссия. Здесь же я узнал, что в комнате КОТОМИНА находится арестованный БОРИСОВ. Узнав обо всем этом, я немедленно собрал у себя в кабинете ХВИЮЗОВА и МАЛИЯ. После обмена мнениями о случившемся я прямо поставил вопрос перед ними, что БОРИСОВ, как единственный свидетель убийства и в то же время хорошо знающий все наши преступления по охране КИРОВА, сможет выдать и погубить нас, и что нужно убрать БОРИСОВА, убить его любым путем во что бы то ни стало ...

... Утром 2 декабря, встретив правительенную комиссию на вокзале, я поехал в Смольный. Здесь я имел разговор с ПАУКЕРОМ. В разговоре с ним, волнуясь, я сказал ПАУКЕРУ, что БОРИСОВ может нас погубить, выболтав правду.

ПАУКЕР, не задумываясь, предложил мне во что бы то ни стало убрать БОРИСОВА, и я тут же сказал ПАУКЕРУ о том, что для убийства БОРИСОВА все готово и дело это поручено ХВИЮЗОВУ. Осталось лишь дать распоряжение об этом.

ПАУКЕР одобрил мое решение.

После разговора с ПАУКЕРОМ я пошел в другую комнату и позвонил лично ХВИЮЗОВУ, сказав ему, чтобы он кончал с БОРИСОВЫМ, т.к. его сейчас будут вызывать на допрос в Смольный".

(сл.дело ГУБИНА, л.д. 29-32)

Одновременно ГУБИН показал, что после первого его ареста он давал ложные показания в соответствии с инструкцией данной ему СОСНОВСКИМ и БУЛНОВЫМ, которые вели следствие по его делу.

Эти показания не нашли подтверждения в показаниях ПАУКЕРА, БУЛНОВА и СОСНОВСКОГО. Несмотря на то, что следствие по делам всех этих лиц велось одновременно, одним и тем же органом очных ставок им для уточнения истины не проводилось.

После того, как были получены показания ГУБИНА последовали аресты МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА, МАКСИМОВА и ХВИЮЗОВА.

Расследование в отношении ХВИЮЗОВА проводилось в Москве, а в отношении остальных - в Ленинграде.

Будучи арестованным II июня 1937 г., ХВИЮЗОВ до 5 июля никаких показаний не давал. 5 июля он показал, что БОРИСОВА убили МАЛИЙ и ВИНОГРАДОВ по его указанию в связи с тем, что БОРИСОВ угрожал рассказать о том, что имел указание от ГУБИНА не мешать совершению теракта против С.М. КИРОВА. При чем ХВИЮЗОВ показал, что решение убить БОРИСОВА в грузовой автомашине было принято еще до приезда правительственной комиссии, т.е. еще тогда, когда никто не знал о том, что БОРИСОВА будут вызывать в Смольный.

МАЛИЙ Д.З., будучи арестованым выше месяца никаких показаний о своей причастности к убийству БОРИСОВА не давал. Но затем на допросе от 8 июля он показал, что был завербован ГУБИНЫМ в контрреволюционную группу и по указанию последнего принял участие в убийстве БОРИСОВА.

Арестованный ВИНОГРАДОВ вначале категорически отрицал свое участие в умышленном убийстве БОРИСОВА и утверждал, что смерть его наступила в результате несчастного случая. Но на допросе от 3 июля 1937 года ВИНОГРАДОВ уже показал, что он был завербован в контрреволюционную организацию ХВИЮЗОВЫМ и что БОРИСОВ был убит им умышленно.

"После совещания, - показал ВИНОГРАДОВ, - ХВИЮЗОВ предложил участникам организации - мне - ВИНОГРАДОВУ, МАЛИЮ и МАКСИМОВУ остаться у него в кабинете. Я - ВИНОГРАДОВ, МАЛИЙ и МАКСИМОВ остались у ХВИЮЗОВА.

ХВИЮЗОВ был особенно взволнован. В разговоре с нами он заявил, что настало время действовать. Он заявил, что БОРИСОВ, охранявший КИРОВА, может провалить все наше дело и всех нас, т.к. в Ленинград приедут члены правительства и, по всей вероятности, будут его допрашивать или увезут его с собой в Москву. БОРИСОВ может рассказать о безобразной

25.

охране КИРОВА и нас воих за это могут перестрелять, поэтому настало наше время действовать и действовать решительно. Мы не должны допустить БОРИСОВА до допроса членами правительства и должны во что бы то ни стало убрать".
(л.д.22-23).

По показаниям ВИНОГРАДОВА, ХВИЮЗОВ тут же выдвинул план убийства БОРИСОВА по дороге в Смольный - на ходу вытолкнуть БОРИСОВА из машины.

МАЛИЙ и МАКСИМОВ, по словам ВИНОГРАДОВА, выдвинули план убийства БОРИСОВА при аварии автомашины. Для этого ВИНОГРАДОВ и МАЛИЙ должны были сопровождать БОРИСОВА.

В суде ВИНОГРАДОВ отказался от всех своих показаний на предварительном следствии и заявил, что "дал их должно, желая этими показаниями сохранить себе жизнь". (см.л.д.67).

Проверкой установлено, что МАЛИЙ и ВИНОГРАДОВ в процессе следствия подвергались избиению и другим незаконным мерам физического воздействия, что, очевидно, и побудило их оговорить себя.

Допрошенный 20 апреля 1956 года бывш.следователь УНКВД по Ленинградской области ЯКУШЕВ, проводивший расследование по делам МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА и МАКСИМОВА, показал:

"Я помню, что по указанию руководства Управления арестованного МАЛИЯ был РУБЕНЧИК. Был ли я МАЛИЯ, припомнить не могу". (материалы проверки, л.д. 73)

Что касается МАКСИМОВА, то он, будучи арестованным 5 июня 1937 года, до 10 июля категорически отрицал как свою контрреволюционную деятельность, так и участие в убийстве БОРИСОВА.

10 июля МАКСИМОВ подписал показания, подтверждающие в основном показания МАЛИЯ и ВИНОГРАДОВА. Однако вскоре он подал заявление, в котором отказался от ранее подписанных показаний. Вновь стал давать МАКСИМОВ показания с признанием вины лишь 31 августа 1937 года.

О том, как проводилось расследование по делам МАЛИЯ и других, подробно показал 20 апреля 1956 г. КУЗИН (шофер потерпевшей аварию автомашины, на которой ехал БОРИСОВ) на очной ставке с ЯКУШЕВЫМ. КУЗИН по делу МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА и МАКСИМОВА допрашивался как свидетель, однако этот свидетель был арестован и длительное время содержался под стражей.

"...Я был арестован сотрудниками УНКВД 6 июня 1937 года. Когда я был доставлен в здание Управления НКВД на 6-й этаж, меня обступили человек 8 сотрудников и один из них заявил, что я арестован как участник контрреволюционной организации и враг народа. Я ответил, что участником контрреволюционной организации я никогда не был. Тогда он подошел ко мне и ударил меня сильно в грудь.

Я спросил его: "Зачем вы меня бьете? Ведь я советский человек". Тогда стоявший рядом один из сотрудников со звездочками сказал: "допрашивайте его как троцкиста". И меня допрашивали подряд 23 суток. На допросах мне не давали возможности садиться. Меня ставили в угол и беспрестанно допрашивали. Когда один следователь уставал, его сменял другой, я продолжал стоять. От меня все время требовали признаться, что я являюсь членом контрреволюционной террористической группы, но я не мог признать свою вину в этом, так как в организации никогда не состоял. Среди допрашивающих следователей был и ЯКУШЕВ.

Кажется на 10 сутки после ареста, стоя в углу, я упал и у меня изо рта пошла кровь. Мне стало очень плохо и я заявил следователю СМИРНОВУ: "Если вам нужна моя жизнь, то возьмите ее". И после этого стал подписывать все протоколы допросов, которые мне давал ЯКУШЕВ. Сам я эти протоколы не читал".
(см.материалы проверки, л.д.86-87).

Получив таким образом показания КУЗИНА на МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА и МАКСИМОВА, следователь ЯКУШЕВ использовал затем КУЗИНА для "уличения" МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА и МАКСИМОВА в убийстве БОРИСОВА.

ЯКУШЕВ подтвердил на допросе его 20 апреля 1956 года, что МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВ и МАКСИМОВ были арестованы на основании показаний КУЗИНА, что никаких других материалов на них не было. Тут же ЯКУШЕВ добавил, что "наряду с показаниями КУЗИНА, было указание из Москвы об аресте этих лиц". (л.д.73)

О тенденциозности следствия по делу МАЛИЯ, ВИНОГРАДОВА и МАКСИМОВА свидетельствует и тот факт, что следователь ЯКУШЕВ, проводя его, не поднял старое дело, не перепроверял имевшиеся там доказательства, а просто пренебрег им, в том числе и заключениями экспертов.

Несмотря на то, что ГУБИН, ХВИЮЗОВ, МАЛИЙ, ВИНОГРАДОВ и МАКСИМОВ обвинялись в одном преступлении, т.е. в убийстве БОРИСОВА, следствие, вопреки требованиям норм УПК, было искусственно разобещено, на каждого из них оформлено отдельное дело и все они были расстреляны.

Мотивы, по которым якобы группе ГУБИНА нужно было "убрать" БОРИСОВА неправдоподобны и надуманы.

ГУБИН и другие показали, что решили ликвидировать БОРИСОВА как единственного свидетеля убийства С.М.КИРОВА и человека, могущего рассказать о преступной организации охраны С.М.КИРОВА. В то же время известно, что БОРИСОВ не только не являлся единственным свидетелем, но он и вообще не видел самого факта убийства и к месту происшествия подошел позднее других свидетелей (ПЛАТЫЧ, ЯЛОЗО, ЛИОННИКОК и др.). БОРИСОВ нес охрану только в Смольном и как она была организована вообще знал меньше других сотрудников оперода, а потому и в этом отношении его показания не могли быть решающими. Помимо БОРИСОВА и арестованных сотрудников оперода имелись ряд других сотрудников, показаниями которых была полностью восстановлена картина организации охраны С.М.КИРОВА.

IX. Выводы

В результате изучения следственных дел периода 1934-38 годов, архивных оперативных материалов органов НКВД, документальных фондов Особого и Исторического архивов, а также данных, полученных в процессе проверки, произведенной в 1956 году, естественно вытекают следующие выводы:

1. Убийца С.М.КИРОВА НИКОЛАЕВ являлся антисоветским настроенным человеком;

2. В период борьбы партии с оппозицией ТРОЦКИЙ, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и их единомышленники пытались посеять недоверие к руководству партии и страны. Их клеветнические утверждения о перерождении партии, о необходимости изменения состава руководства партии, их попытки перенести внутрипартийную борьбу "на улицу" объективно способствовали возникновению среди политически неизрелых, неустойчивых людей террористических настроений. Деятельность антипартийной зиновьевской оппозиции имела определенное воздействие и на формирование и усиление террористических намерений НИКОЛАЕВА, поскольку он в свое время общался среди некоторых из них. Однако ни в процессе следствия, ни в результате последних проверок никаких доказательств наличия связи ТРОЦКОГО, ЗИНОВЬЕВА и других с конкретным фактом убийства С.М.КИРОВА добыто не было. Версии о непосредственной причастности к злодейскому убийству С.М.КИРОВА зиновьевцев, троцкистов, правых и "ПОВ" надуманы, а мнимые доказательства их сфальсифицированы и получены в результате применения запрещенных законом методов. НИКОЛАЕВ всю подготовку к теракту провел самостоятельно, по собственной инициативе, не имея соучастников;

29.

3. Гибель БОРИСОВА явилась следствием несчастного случая;

4. Сотрудники УНКВД по Ленинградской области, обвиненные в убийстве БОРИСОВА, расстреляны необоснованно по сфальсифицированным материалам.